

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

МЫСЛЬ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА В КОНТЕКСТЕ МЫСЛЕЙ БЛЕЗА ПАСКАЛЯ

THOUGHT BY LEONID ANDREYEV THOUGHT IN THE CONTEXT OF BLAISE PASCAL'S *PENSÉES*

ЧЕСЛАВ АНДРУШКО

ABSTRACT. The article describes *Thought* by Leonid Andreyev as a kind of contemporary artistic reflection of paradoxes descended from *Thoughts* by Blaise Pascal. The short story *Thought* by Leonid Andreyev is examined as a creative orientation of its author to *Thoughts* by Blaise Pascal. A comparative analysis of both works proves that, beside the antynomic vision of man and the world, Andreyev shares with Pascal a similar usage of notions such as *thought*, *imagination*, and *abyss*. The former, however, simplifies the ideas and views of the prominent philosopher in order to better reach the consciousness of the modern reader.

Czesław Andruszko, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska.

Сопоставление указанных в заглавии статьи произведений продиктовано не только их внешним сходством или исключительным местом, которое занимают их авторы в европейской культуре. Леонид Андреев со своим гениальным рассказом *Мысль*, написанным в 1902 году, стал предтечей европейского экспрессионизма, в свою очередь Блез Паскаль оставил после себя одно из самых удивительных сочинений, стоящее на грани философии и литературы, которое под заглавием *Мысли* было впервые отредактировано в 1669 году. С этого времени оно многократно издавалось и переиздавалось не только в самой Франции, но и во всех европейских странах. В России *Мысли* Паскаля были известны образованной части общества по французским изданиям. Первый русский перевод появился лишь в 1843 году и сразу же вызвал большой интерес, особенно в творческих кругах. К образу „мыслящего тростника”, навеянного мыслями Паскаля о сущности человека, обращались и поэт Федор Тютчев, и прозаик Иван Тургенев; Лев Толстой многократно пользовался этой книгой в период своих напряженных религиозных исканий. Моло-

дой Андреев не раз заявлял о своем пристрастии к философии. В письме Корнею Чуковскому, например, он утверждал: „Верно то, что я философ, хотя большею частью совершенно бессознательный”¹. Трудно себе представить, чтобы начинающий писатель мог оставить без надлежащего внимания столь известное в его среде философское сочинение. Не только не оставил, но и в заглавии своего рассказа прямо указал на этот творческий первоисточник, где, как и в его истории, страдания человека сопряжены с интенсивной работой аналитической мысли.

Концепция человека у Паскаля отличается неверием в способность разума управлять страстями, признанием эгоизма основной наших поступков и чаяний. Его натура полна противоречий, а его жизнь – „это самая ломкая в мире вещь”². Отринутый в бесконечность больших и малых величин, разум мечется между крайностями, теряя из виду то одно, то другое. Падший вследствие первого греха, человек не в состоянии постичь ни тайны мира, ни тайны своего бытия. В этом плане изложения очень выразительны те фрагменты *Мыслей*, в которых оговаривается „несоизмеримость человека с природой”³. Трагический удел человека в том и заключается, что живет он на грани бесконечности и небытия или, образно говоря, на краю двух бездн, лишенных каких-либо постоянных ориентиров. „Что такое человек в природе?” – спрашивает философ и отвечает: „Ничто в сравнении с бесконечностью и все в сравнении с ничем. Это середина между ничем и всем”⁴.

Когда у Паскаля говорится о середине как уделе человечества, то имеется в виду двойственность природы человека: „Человек – не ангел и не зверь, а несчастье так устраивает, что кто хочет уподобиться ангелу, делается зверем”⁵. Он в вечном разладе с миром и с самим собой, всегда между двумя противоположностями, выражающими парадоксальную сущность его исключительного положения в мире. „Какая редкость – восклицает автор, – какое чудовище, какой хаос, какой предмет противоречий, какое диво! Это судья всех вещей, глупый червь земляной, хранитель истины, клоака неизвестности и ошибок, слава и отбросок вселенной”⁶. По Паскалю, парадоксальна не только природа человека, но и любая истина. Срединная точка, которую он занимает, открывает бездну человеческого незнания и бессилия понять истину. Картина мироздания в *Мыслях* сплошь строится на парадоксах, причем, как отмечает современный исследователь, парадоксы здесь

лишены всякого элемента игры, они всегда трагически серьезны. Мысль писателя повсюду обнаруживает противоречия, он знает, что любое правильное исходное поло-

¹ К. Чуковский, *Современники*, Москва 1967, с. 206.

² Б. Паскаль, *Мысли (о религии)*, перевод П. Первова, Москва 1905, с. 38.

³ Там же, с. 39.

⁴ Там же, с. 41.

⁵ Там же, с. 106.

⁶ Там же, с. 47.

жение может быть дополнено противоположным, столь же правильным. Эти противоречия принимают у него характер непримиримых, но взаимно связанных антиномий: добро и зло, дух и материя, разум и страсти, справедливость и сила, истина и заблуждение⁷.

Леонид Андреев своеобразно повторяет мысли Блеза Паскаля, чтобы показать, что повторяемость явлений и фактов является одним из факторов обесмысливания жизни и человека. Писатель воспринимает парадоксы Паскаля в свете собственного мировоззрения и следует им во всех тех случаях, когда они показывают несостоятельность человеческого разума. Он ставит в центре напряженного мыслительного поля, создаваемого Паскалем, современного ему героя – доктора Керженцева, который мнит себя новым Раскольниковым и которому чуждо ощущение непреодолимой преграды между тем, что морально, и тем, что аморально. Его личный опыт убийства знакомого ему человека и писателя лишен тех мучительных страданий, которые героям Достоевского открывают путь к Богу. Наоборот, как для Паскаля в целом, так и для Андреева в частности, Бог, если и существует, то навсегда сокрыт от человека. Керженцев, поставивший себя в середине между жизнью и смертью, бытием и небытием, так констатирует неспособность своего ума проникнуть в высшую тайну:

Тут есть третье – не кандалы и не рубашка, а, пожалуй, более страшное, чем то и другое, вместе взятое⁸.

Искомое третье, то есть некий высший синтез антиномий, не представляется ни Андрееву, ни Паскалю возможным. Здесь уместно будет вспомнить о том, что французский мыслитель объясняет двойственность человека его состоянием до и после грехопадения, показывающего, что человек изначально добр и носит в себе следы своего божественного происхождения. Паскаль приходит к выводу, что человек познает себя только с помощью тайны преемственности греха и может найти истинное благо и справедливость только посредством веры. Парадоксально, ту же цель и ту же тайну имеет в виду и Андреевский убийца, когда в своей защитной речи обращается к слушателям:

Вообразите себе пьяную змею, да, да, именно пьяную змею: она сохранила свою власть; ловкость и быстрота ее еще усилилась, а зубы все также остры и ядовиты (с. 151).

Регрессивное движение мысли героя к догреховному периоду человечества вызывает к жизни атавистическое желание „стать на четвереньки и ползать”

⁷ В. Б а х м у т с к и й, *Французские моралисты*, [в:] Ф. де Л а р о ш ф у к о, *Максимы*; Б. П а с к а л ь, *Мысли*; Ж. де Л а б р ю й е р, *Характеры*, Москва 1974, с. 20.

⁸ Л. А н д р е е в, *Мысль*, [в:] его же, *Избранное*, Ленинград 1984, с. 123. Все дальнейшие ссылки на это издание приведены в тексте, в скобках указаны страницы.

(с. 157), которое относит человека к животному миру, не имеющему оправдания в вере. Происходит так оттого, что, по Андрееву, в основу мироздания заложен не созидательный фактор, а неразумное, слепое и бесцельное первоначало, названное Шопенгауэром волей.

Андреев оттеняет взгляды Паскаля своим крайним пессимизмом и придает им новое, зачастую полемическое, звучание. Мышление Паскаля мучительно колеблется между разумом и верой, показывая, что разум, несмотря на всю свою ограниченность, остается единственным показателем человечности. „Я не могу постичь человека без мысли: это был бы камень или скотина”⁹. Андреев парадоксально переворачивает это утверждение, чтобы доказать обратное, – что образованный, мыслящий человек является или, скорее, становится в результате мышления и камнем и скотиной одновременно. Человек вынужден решать проблему бесконечности в пределах ограниченного человеческого сознания – без возможности выхода в сферу трансцендентного, ибо „дверь заперта, и не слышно за нею ни звука, ни голоса” (с. 152). Убийца, играющий роль безумца, смотрит на жизнь как на театр абсурда, в котором все относительно:

Вы станете доказывать, что я сумасшедший, – я докажу вам, что я здоров; вы станете доказывать, что я здоров, – я докажу вам, что я сумасшедший. Вы скажете, что нельзя красть, убивать и обманывать, потому что это безнравственность и преступление, а я вам докажу, что можно убивать и грабить и что это очень нравственно. И вы будете мыслить и говорить, и я буду мыслить и говорить, и все мы будем правы, и никто из нас не будет прав (с. 158).

Андреевского героя подводит само мышление – „подлая человеческая мысль, вечно лгущая, изменчивая, призрачная...” (с.158). Изменяет не слово – оно как продукт мыслительного процесса здесь вторично; изменяет само мышление, в основу которого заложен дегенеративный фактор. Вслед за Паскалем автор *Мысли* называет этот фактор воображением и переводит его в творческий план своего художественного произведения. Творческое обоснование идеи о „несоизмеримости” человека сопряжено здесь с авторской аналитической установкой на форму мышления, возникающую на базе получаемых от действительности чувственных ощущений.

У Паскаля воображение – это обманчивая сторона человеческой личности, главный источник фальшивости и заблуждений, создающих такие понятия, как счастье, красота, справедливость и всеобщее благополучие. Воображение

настолько раздвигает для нас пределы настоящего времени [...] и настолько уменьшает вечность, что из вечности мы делаем ничто, а из ничего вечность¹⁰.

⁹ Б. П а с к а л ь, указ. соч., с. 61.

¹⁰ Там же.

У Андреева воображение смерти как главной проблемы, волнующей человечество, также смещается в сторону банального и обыденного. Причина убийства, относящаяся к сфере чувств, опровергает кажущееся устойчивым религиозно-философское мнение о том, что определяющим качеством для духовности является мышление. Симулируя любовь к ближнему и безумие и называя их „живыми образами” (с. 131), Керженцев как литературный образ соотносится с известным изречением Тютчева о том, что „мысль высказанная есть ложь”. Категория воображения функционирует здесь в литературном контексте, что придает всему произведению программный характер. Оно с художественной убедительностью показывает, что любая конкретизация мышления – это „странное непостоянство в области мысли и чувства” (с. 123) – лишь расширяет сферу непонимания и нагнетает ощущение „пустоты” бытия. У Паскаля пустоты как таковой нет, – что философу служит метафизическим доказательством существования Бога, у Андреева же видимость смерти открывает перед главным героем „пустоту бесконечного пространства” (с. 161), которая приобретает символическое значение. Современная автору *Мысли* литературная критика отмечала, что его герои являются „не столько живыми типами, сколько символами”¹¹. Здесь следует отметить, что в *Мысли* символично все: и форма, и содержание. Символически весь комплекс значений, связанных с литературной деятельностью жертвы Керженцева, писателя Савелова; символично и само значение убийства, показывающего всю „несоизмеримость” художественного творчества и жизни, если его рассматривать в традиционном духе. Первородный грех литературы – в приписанной ей извне этико-эстетической функции. Доктор Керженцев ненавидит писателя Савелова за то, что –

Красивы и ничтожны были его произведения, красив и ничтожен был он сам (с. 123).

В таком свете, искаженном авторским присутствием, мысль, облеченную в художественную форму, нельзя считать законом подлинного бытия. Свои творческие надежды Андреев возлагает на символизм как некую рисующую возможность преодоления трагического разлада между искусством и жизнью.

Автор *Мысли* скрывает гнетущую его творческую дилемму под литературными масками Федора Достоевского и Эдгара По¹², но в идейном плане чаще всего обращается к Блезу Паскалю – и в первую очередь по той причине, что этому философу чужда и ненавистна любая форма догматичности. Его произведение открыто на творческий опыт Паскаля, генерирующий парадоксальное состояние человека, развивает и укрупняет недоступное мышлению

¹¹ В. И в а н о в - Р а з у м н и к, *О смысле жизни* (В. Сологуб, Л. Андреев, Л. Шестов), Санкт-Петербург 1910, с. 85.

¹² См. J. B. W o o d w a r d, *Leonid Andreyev. A Study*, Oxford 1969, с. 77–87.

ощущение таинственности бытия³. Неслучайно единственное произведение¹ понравившееся его литературному убийце¹ имеет название *Тайна*³. Тайна¹ это единственное для Андреева слово¹ выражающее сущность мира и парадокс^{3/4} сального положения человека¹ распятого между знанием и незнанием¹ сразу^{3/4} мом и верой³. Андреевский герой обречен на незнание и безверие¹ поскольку невозможно понять целое без знакомства деталей¹ как и понять детали без знакомства целого³. Детально описанная сцена убийства имеет поверхностный характер и требует новых художественных средств¹ отражающих глубинную таинственность¹ как жизни¹ так и смерти³. Не столько тема¹ тона у Андреева извечна¹ сколько слово³ символ¹ выражающее некую таинственную полноту¹ решает о правдивости произведения словесного искусства³. Творческая энерг^{3/4} гия писателя сплошь направлена на поиски новых средств¹ способных расши^{3/4} рить сферу таинственности³. Эту особенность имел в виду критик¹ когда ста^{3/4} вил Андрееву в упрек¹ что¹

он становится слишком цветистым¹ вымученно новым¹ он постоянно ищет все но^{3/4} вых и новых эффектов¹ нетронутых и неразработанных гармонических рисунков³ ^{x1} ³

С сегодняшней перспективы хорошо видно¹ что¹ отталкиваясь от мыслей Паскаля¹ Андреев совершает прорыв к новой форме искусства и придает но^{3/4} вое звучание своим творческим достижениям³.

Рассказ Андреева глубоко вписывается в контекст *Мыслей* Паскаля¹ отвечивая разными оттенками насыщенности и интенсивности³. На все сом^{3/4} нения и вопросы¹ поставленные Паскалем¹ Андреев отвечает философским пессимизмом¹ который придает своеобразную окраску¹ как целому¹ так и от^{3/4} дельным его частям¹ и создает идейную подоплеку всего произведения³. Не^{3/4} сомненно¹ Андреев как мыслитель обязан Паскалю понятиями¹ парадоксо¹ и¹ пропасть¹ рассматриваемыми в их совокупности³. Показательно¹ что поня^{3/4} тия эти начинают доминировать в творчестве писателя после выхода в свет его *Мысли*¹ где были использованы впервые³. Важно здесь и то¹ что на протя^{3/4} жении всего творческого пути Андреева они сохраняют тот предупрежда^{3/4} щий смысл¹ который имел в виду Паскаль¹ когда в своих *Мыслях* констати^{3/4} ровал¹ ¹

Мы беззаботно стремимся в пропасть¹ поставивши что^{3/4} нибудь перед собою¹ что^{3/4} бы помешать себе видеть ее^x ³

Сродни мысли Паскаля о том¹ что¹ величие человека заключается в том¹ что он сознает себя жалким^{x#} ¹ следующее описание душевного состояния героя после совершенного им убийства¹ ¹

Теперь же я увидел¹ что я не господин¹ а раб¹ жалкий и бессильный¹ ³ ^{x#} ³

^{x1} В³И в а н о в^{3/4} Р а з у м н и к¹ указ³ соч^{3/4} ¹ ³

^x Б³П а с к а л ь¹ указ³ соч^{3/4} ¹ ³

^{x#} Там же¹ ³ ³

Текст *Мысли* изобилует такого типа общими местами¹ хотя трудно судить об их адекватности оригиналу на основании первого перевода *Мыслей*² которым пользовался Андреев³ Так или иначе одна из многих мыслей Паскаля⁴ запечатленных в рассказе⁵ особо выделяется в тексте⁶ конкретизирует его заглавие и имеет прямое отношение к его содержанию⁷ Это мысль Паскаля⁸ о парадоксальной⁹ и нормальности¹⁰ безумия¹¹ которая может служить эпигра¹² фом к рассказу Андреева¹³

Людам столь необходимо страдать безумием¹⁴ что не быть безумным¹⁵ р¹⁶значит страдать другого рода безумием¹⁷^{х5}

Следуя Паскалю в решении главной проблемы своего произведения¹⁸ Андреев оттеняет ее мыслью о том¹⁹ что в безумии появляется ощущение свободы²⁰ и²¹ твернее²² иллюзия свободы от страха перед смертью²³ и низвергающая его героя в²⁴ изловещее одиночество²⁵^{х6}

Вопрос о творческих связях Леонида Андреева с Блезом Паскалем до сих пор в литературоведении не ставился²⁶ Происходит так²⁷ вероятно²⁸ из²⁹ за того³⁰ что автора *Мысли* слишком долго и упорно называли эпигоном Достоевского³¹ правда³² с оговоркой³³ что так называемым проклятым проблемам Достоев³⁴ ского придает он новое освещение³⁵ Критика недалеко ушла от высказанного³⁶ в начале прошлого века мнения о том³⁷ что в творчестве Леонида Андреева мы видим возвращение³⁸ и назад к Достоевскому³⁹^{х7} Понимается⁴⁰ Андреев ори⁴¹ ентируется и на Достоевского⁴² и на тенденцию русского модернизма⁴³ важным проявлением которой было символистское восприятие мира⁴⁴ и становлением творческого метода⁴⁵ особенно на этапе создания рассказа *Мысль*⁴⁶ Он обязан⁴⁷ в первую очередь⁴⁸ европейской традиции⁴⁹ Уже известный круг чтений Андре⁵⁰ ева⁵¹ связан в основном с Шопенгауэром и Ницше⁵² следует расширить за счет Блеза Паскаля и произведения его жизни⁵³ оставшегося недоконченным⁵⁴ Мысль Леонида Андреева в контексте мыслей Блеза Паскаля показывает⁵⁵ что влияние европейской культуры на современную русскую литературу было значительно глубже и шире⁵⁶ чем это казалось до сих пор⁵⁷ Как и Паскаль⁵⁸ Андреев скорее ставит проблемы⁵⁹ чем на них отвечает⁶⁰ как и он⁶¹ показывает трагедию человека⁶² вынужденного выбирать между крайностями⁶³ Писатель опрошает и дополняет своим рассказом на современную тему мысли одного из уникальнейших представителей европейской философии⁶⁴ чтобы приспо⁶⁵ бить их к русской действительности⁶⁶ В результате возникло оригинальное литературное произведение⁶⁷ способное проникнуть в сознание современного читателя и выразить самые глубинные мысли о человеческом бессилии найти организующее начало в мире⁶⁸ Андреевское⁶⁹ и ничего⁷⁰ обрывающее повество⁷¹ вание⁷² связано уже непосредственно с кризисом культуры и проблемой его осмысления⁷³

MMMMMMMMMMMM

^{х5} Там же⁷⁴ с⁷⁵ 10⁷⁶ §⁷⁷ 3

^{х6} В⁷⁸ И⁷⁹ в⁸⁰ а⁸¹ н⁸² о⁸³ в⁸⁴ И⁸⁵ а⁸⁶ з⁸⁷ у⁸⁸ м⁸⁹ н⁹⁰ и⁹¹ к⁹² у⁹³ ка⁹⁴ з⁹⁵ с⁹⁶ о⁹⁷ ч⁹⁸ с⁹⁹ с¹⁰⁰ #¹⁰¹ 3

